

ОЛЕГ ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

СЧАСТЬЕ ВОЗМОЖНО

РОМАН
НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

ФИНАЛИСТ
«РУССКИЙ БУКЕР»
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР»

Олег Зайончковский

**Счастье возможно:
роман нашего времени**

«АСТ»

2009

Зайончковский О. В.

Счастье возможно: роман нашего времени /
О. В. Зайончковский — «АСТ», 2009

Проза Олега Зайончковского получила признание легко и сразу – первая его книга «Сергеев и городок» вошла в шорт-листы премий «Русский букер» и «Национальный бестселлер». Его имя твердо прописано на сегодняшней литературной карте. Похоже, и читателям, и критикам нравится его замечательное умение рассказывать истории. В новом романе герой – писатель. Сочинитель чужих судеб, он даже не пытается распутать свою, с поистине буддистским спокойствием наблюдая, как его жена уходит к другому, из тех, что «круче». Негаданно-нечаянно любовный треугольник приобретает странные очертания и победителем оказывается... брошенный муж. «Счастье возможно?»

Содержание

Я убью тебя	5
Прогулка	9
Едут на дачу	12
Васьково – Москва	16
Счастье возможно	19
Настенька	24
Развод по-риелторски	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Олег Зайончковский

Счастье возможно

Я убью тебя

– Я убью тебя, сволочь! – раздается вроде как из телефонной трубки, только громко.

Решетка кухонной вентиляции в моей квартире действует как старинная неотключаемая радиоточка – она принимается говорить и умолкает, когда ей вздумается. К сожалению, постановку она транслирует круглый год одну и ту же. Правда, я до сих пор не знаю персонажей по имени, потому что обращаются они друг к другу исключительно так: «сволочь», «тварь», «сука», «шлюха»... Эпитетов не перечесать, их больше, чем действующих лиц, и вначале я путался, кто есть кто. С этим у меня вообще проблема: когда я читаю чужие романы или смотрю «толстые» фильмы, то лишь к концу начинаю различать, кого из персонажей как зовут. Жаль бывает – только-только привык, познакомился с действующими лицами, а кино уже кончилось. Зато вентиляционная постановка конца не имеет – хочешь не хочешь начнешь узнавать по одним лишь голосам и набору эпитетов. Сейчас, специально для таких тупых, как я, этот жанр освоило телевидение. Но там, я считаю, дело портит цензура – раз уж взялись показывать, то и нечего ханжеским «пиканьем» глушить самые экспрессивные места в диалогах. У меня на кухне цензуры нет. Можно, конечно, попробовать заткнуть говорящую решетку, но тогда мне и вовсе станет нечем дышать.

Я не знаю их имен, не знаю, как они выглядят, однако думаю о них довольно часто. Когда собственный мой текст, тот, к которому я призван и за который мне платят деньги, – когда этот текст предаст меня, тогда-то моя усталая мысль утекает вместе с дымом моих сигарет в вентиляционную решетку.

Так кто же они – таинственные знакомые незнакомцы, живущие у меня в вентиляции? Это две женщины, судя по всему мать и дочь. «Сукой» и «шлюхой» чаще зовется молодая, а «сволочью» и «вонючей тварью» – та, что постарше, хотя иногда они меняются эпитетами, а возможно, и ролями. Иногда из решетки доносятся еще голоса каких-то мужчин, но эти, мужские, персонажи явно приходящие, и эпитет тут один на всех: «козел». «Живущие в вентиляции» – это, конечно, шутка. На самом деле обитают они в квартире надо мной. Факт этот нетрудно установить, сопоставляя самые яркие места в их диалогах с ударами в мой потолок. «Я убью тебя, сволочь!» – и сейчас же наверху раздается такой стук, что у меня во всей квартире взмаргивает свет. На клавиши компьютера сыплется побелка, пугливая мысль моя вспархивает и беспорядочно мечется, а им хоть бы что. Вопреки всем угрозам они остаются живы и только с еще большим азартом ведут свое нескончаемое сражение. Я не знаю, какое оружие они используют, – может быть, даже поливают друг дружку водой, потому что иногда после их побоища у меня на кухне подмокает левый верхний угол. Между прочим, это хороший повод пойти наверх и познакомиться с милыми дамами поближе. Надо бы так и сделать, но всякий раз, пока я собираюсь с духом, пятно успевает высохнуть.

А вот передачи снизу я слышу, когда открываю шкафчик под раковиной, где у меня стоит мусорное ведро. Идут они из той дыры в полу, в которую уходят канализационные и водопроводные трубы. Там, к счастью, народ живет смирный, никто никого не убивает, и максимум скандала у них – это по поводу недосоленного супа. С добрым нижним семейством я с удовольствием поменялся бы этажами, но это, к сожалению, из области фантазий. Вообще квартирные обмены для меня большая тема, но о них в другой раз.

Люди, живущие подо мной, и скандальная парочка наверху не догадываются о существовании друг друга. Я – единственное между ними соединительное звено. Так уж в нашем доме

устроено: живем слоями и соседствуем только по горизонтали. Да и к такому соседствованию нас принуждает лишь совместная зона ответственности и обороны: запираемая на ключ площадка-тамбур перед квартирами. Здесь мы знаем по именам, спорим по поводу выставленных за дверь валенок и о том, чья очередь пришла мести эту нашу маленькую, но общую территорию. Нет, я не хочу сказать, что жильцы, обитающие на разных этажах, вовсе друг друга не опознают. В конце концов у всех у нас есть еще одна, общая линия обороны – наша железная подъездная дверь. Совсем уж чужого, пришедшего человека мы угадываем и взираем на него строго, если не сказать с подозрением. И все же друг для друга мы, люди разных уровней, остаемся тайной за семью печатями. Да я сам, в который раз встречая в лифте молодую женщину с усталым лицом, думаю: не она ли та «сука», что заливают мне угол кухни? Или солидный мужчина в очках – не он ли придиричивый любитель супа, который говорит у меня из-под раковины?

Порой мне самому кажется странным мое положение. Вот они ничего друг о друге не знают, да и знать, наверное, не хотят, а я знаю, точнее сказать, сочинил про них так много. Я посредине; я, извините за сравнение, словно прокладка, впитывающая чужие интимности. Зачем это мне? Или таково рефлексорное действие моей сочинительской железы, не умеющей прекратить секрецию, даже когда меня настигает сон разума? Ах, если бы железа эта всегда трудилась с пользой...

Между тем мне совершенно нечем ответить своим соседям, развлечь их, когда сами они находятся в паузе. Я безмолвен; мой сериал отшумел с тех пор, как от меня ушла жена. О том, что я живу, можно догадаться лишь по запаху нечастой холостяцкой стряпни, просачивающегося из-за моей двери в подъезд. – Я убью тебя, сволочь!

Нет, до таких выражений мы с Тамарой не опускались. В самые трудные периоды наших отношений мы не желали друг другу «сдохнуть» и чего-либо подобного. И дело здесь не только в том, что интеллигентные люди даже на пределе эмоций учитывают домовую слышимость. Просто тогда еще мы не предполагали друг от друга избавиться. «Как я от тебя устала!» – вот что кричала Тамара, а потом, метнув взгляд на вентиляционную отдушину, вполголоса договаривала нецензурную часть фразы. Как и подобает образованной москвичке, она бывала крепка на слово, но, уверяю, без угроз в мой адрес.

Мы прожили с ней в браке много долгих лет. Иногда я вспоминаю эти годы со светлой грустью, иногда же мне хочется вести как можно более здоровый образ жизни, чтобы долголетием компенсировать зря потраченное время. Факт, однако, заключается в том, что, когда я перестал быть мужем своей жены, у меня словно пелена спала с глаз. Словно из ушей выпали пробки, а из носу ватки... Меня, осиротевшего, взял под крыло целый мир. Звуки, забытые с детства, снова обступили меня. Деревце, тронутое ветром, пролетевшая муха или хоть эта самая вентиляционная отдушина – все заговаривало со мной, лепетало на тысячи голосов, несло какую-то многозначительную чепуху. И мне самому стало вдруг интересно, о чем жужжит муха, что шепчет деревце и чем заслужила свой приговор та «сволочь» с верхнего этажа.

Ошеломленный, переполненный звуками бытия, я подолгу курил на балконе. В небе пел самолет, раньше неслышимый; привязанная у магазина, плакала безутешно собачка; дети щебетали воробьиными голосами... Огромный шум города, прежде лишь отдававшийся в черепе неизбывным томительным гулом, теперь раскладывался на множество маленьких отчетливых музыкальных партий. И казалось мне, что еще немного, еще чуть-чуть, и, разбирая каждую из этих партий в отдельности, я постигну всю симфонию мироздания... Но сигарета сгорала, а собачка все плакала. Собачка плакала, и никто не приходил, чтобы ее отвязать. Мухи жужжали, деревья шелестели листьями, город шумел и шумел, а этажом выше по-прежнему убивали «сволочь». И однажды я наконец догадался, что ничего не изменится, симфония мироздания не сложится, если я останусь только в качестве слушателя. В ней, в симфонии, не хватало моего собственного голоса – вот о чем шептали мне листочки. Так я впервые по-

настоящему осознал свое писательское предназначение, а осознав его, стал меньше времени проводить на балконе и больше за работой. И весь этот переворот во мне случился, когда от меня ушла жена.

Впрочем, стояние на балконе полезно для нервов. Глядя на людское, мирное по большей части, копошение внизу, исполняешься какого-то доброжелательно-эпического спокойствия. Так удобно любить человечество с высоты девятого этажа.

– Тварь паршивая! Гадина!

Отсюда, оказывается, грохот битвы еще слышнее: видимо, наверху открыто окно. А вдруг оттуда сейчас кто-нибудь выпадет – мать или дочь? Одна из двух «гадин» выпадет и пролетит, суча ногами, мимо моего балкона. А потом, пару секунд спустя, шлепнется на асфальт и замолчит навсегда. Но нет – пока я на балконе, этого не случится, сколько ни мечтай. Да и шлепнуться на асфальт ей было бы затруднительно. У нас во дворе не то что человеку – яблоку негде упасть из-за бесчисленных припаркованных автомобилей. Скорее всего, она угодила бы на одну из их лакированных крыш, что доставило бы мне дополнительное удовольствие. Должен признаться, что к автомобилям у меня с некоторых пор глубокая неприязнь. Когда от меня ушла жена, машины стали основным источником раздражения (если, конечно, не считать вышеописанной буйной парочки). Все зло в Москве именно от автомобилей. Наглые, они шуршат по всему городу, дышат нашим воздухом и портят экологию. Они лезут во все щели, куда только могут протиснуть свои жирные тела. Но хуже всего то, что по ночам автомобили набиваются во дворы и устраивают отвратительные кошачьи концерты. Голосовой аппарат появился у автомобилей как средство защиты от грабителей. Было время, когда с машин снимали «дворники», зеркала, колеса и даже лобовые стекла, а они молчали, не умея подать зов о помощи. Теперь с них, кажется, никто ничего не снимает, зато автосигнализация развилась в самостоятельный род музыкального искусства. Но я не поклонник такой музыки – лежа ночью и слушая бесовские завывания, трели и свист, я вспоминаю другие, давние уже времена. Тогда где-то неподалеку от нас гнездилися соловей – он мелодично пел по ночам, а рядом со мной во сне тихонько посапывала Тамара. И пусть тем временем автомобильные воришки делали свое дело – они никак не нарушали ночного покоя.

Вот и кончилась сигарета. Как быть? Пустить окурочек вниз, по маршруту непролетевшей соседки? Ни за что. Я не помню случая, чтобы что-нибудь когда-нибудь бросил с балкона. Мне не хочется уподобляться субъектам, которые это делают. А таких субъектов, между прочим, в нашем доме немало. Плоская крыша магазина, расположенного под нами, усеяна разнообразным мусором. Порывы ветра, особенно перед грозой, взметывают и уносят что полегче, а пустые пивные банки, которые не могут улететь, катаются по ней туда-сюда, своим жестяным громом усиливая общее тревожное в такие минуты настроение. Впрочем, сегодня банки лежат неподвижно, потому что в тропосфере затишье и покой. Не знаю, как там геомагнитный фон – я его никогда не чувствовал, – но небо над городом безоблачно и безмятежно. Оно того же цвета, что глаза женщины, про которые мы в порядке ухаживания говорим, что они голубые. Кисея обычных московских испарений сегодня такая тонкая, что сквозь нее даже проглядывает луна. Вот чем она, оказывается, развлекается – подсматривает за нами днем, пока мы тут заняты своими делами.

«Делами»... я говорю так, не имея в виду конкретно себя. Лично у меня на сегодня все дела кончены – спасибо за это двум гадинам сверху. Теперь я вправе расслабиться; я вообще могу надеть сандалии и пойти погулять. Под луной или с нею на пару. Стану тоже подглядывать – в городе ведь много чего интересного.

Да, пожалуй, так и сделаю. Гулять ведь полезней для нервов, чем смотреть телевизор. Правда, Филипп... я не упоминал о нем?... Филипп – мой теперешний сожитель. Он, Филипп, конечно, захочет меня сопровождать, но я попрошу его остаться дома. Потому что у нас это

только так говорится, что он меня сопровождает, а на самом деле все бывает наоборот. Тут уж что-нибудь одно – или гулять с Филиппом, или с луной...

– Я убью тебя, сволочь!..

Черт!.. Где же мои сандалии?...

Прогулка

Хотел было сменить тему, но что-то не получается. Я до сих пор не могу разыскать свои сандалии. Точнее, одну из них. Филипп редко крадет всю пару – даже его ума хватает, чтобы понимать: в одной сандалиии я от него не сбегу. Я искал ее в передней, и на кухне, и в комнате под диваном – тщетно. В тех местах, где ей полагалось бы быть, сандалии нет. Недоумевает даже сам похититель. Теперь он и рад бы мне помочь – чутье подсказывает ему, что я уже отказался от мысли идти один и согласен взять его, Фила, с собой. Мы пойдем гулять как обычно, неразлучной парой, – лишь бы нашлась пара моей сандалиии. Но где же она? – Фил запямятовал. Недавно, казалось бы, держал ее в зубах...

На этот раз он превзошел самого себя – закопал ее в нашей постели! Конечно, он тут же этой же сандалиией получает по заду. Но и меня бы можно спросить: почему, собственно, с сандалиией или без, постель до сих пор не убрана?... Можно спросить, да некому; у одиночества есть свои горькие привилегии. Штука в том, что я одинок не вполне. Если мне хочется уединиться по-настоящему – в компанию мне навязывается Филипп, а вздумаю с ним пообщаться – оказывается, что он все-таки не человек.

Что ж; пусть все идет как идет, и не беда, что не все идет так, как хочется. Пора бы уже привыкнуть. Тем более что случаются и совпадения – например, хорошая погода и желание погулять. Приятных совпадений, если вдуматься, много. Скажем, заходим мы в лифт, а там уже едет сверху милая такая собачка. Это, конечно, для Фила, но хотя бы за него можно порадоваться.

Правда, я предпочитаю приятности надежные, без совпадений. К примеру, наш консьерж-таджик – он в любую погоду неизменно приятный человек.

– Здравствуй, Насир!

Вот он сделал мне ручкой. Сегодня нет никакого праздника, а то бы Насир меня обязательно поздравил. Он поздравляет меня со всеми православными праздниками и с Днем России, а я его только с рамаданом, потому что других магометанских праздников не знаю. Кстати, вот уж кто знаком со всем нашим подъездом снизу доверху. Был бы я не такой стеснительный, давно бы ему пожаловался на буйных соседок. Многие, я заметил, так и делают – идут к Насиру со своими неурядицами, а он уж решает, кому просто посочувствовать, а кому вызвать МЧС или милицию. Однако это означает, что и в лице На-сира мы тоже имеем совпадение – приятного с полезным.

Мы с Филом выходим на улицу и тут же встречаем еще одного таджика, метущего тротуар. Но это уже не совпадение, а норма жизни. Таджик и метла, таджик и пешня, таджик и газонокосилка – понятия для Москвы неразделимые. Правда, в бизнес-квартале, куда переехала моя бывшая жена, метут, я слышал, украинцы, но неизвестно еще, кто лучше делает свое дело. У меня к таджикам нет никаких претензий, не знаю, как у них ко мне.

Я осматриваюсь и привыкаю к приземному плотному воздуху, пережидая, покуда Фил наскоро облегчается в кустах у подъезда. Этого его обычая я привык уже не стыдиться. Теперь мы готовы отправиться в путь – только надо бы засесть время. Я люблю засесть время – не только когда варю яйца или что-нибудь другое, а всегда. Не знаю даже, от каких предков досталась мне эта обстоятельность. Я подношу руку к глазам, но часов на ней нет – забыл надеть, пока искал сандалию. Ладно, не беда. Солнце застряло на юге, между корпусами 24 и 26-Б, и мне кажется, оно там провисит еще долго. Времени у нас много – и прошедшего, и покамест еще не растрченного. Как истинный потомок того же неизвестного обстоятельного предка, я, конечно, заранее составил маршрут нашей прогулки, и мы его вполне успеем пройти. Успеем, если Фил не будет обнюхивать подряд все кусты, а я не стану анализировать каждого встречного таджика.

А в планах моих – добраться пешком до настоящего большого парка. Это для нас реально, надо только пройти два квартала таких же, как мой, семнадцатизэтажных домов, потом квартал домов постарше и пониже, пересечь пару проезжих улиц, одно большое шоссе и еще вдоль этого шоссе пройти метров двести. По московским меркам недалеко. Теоретически – минут двадцать ходу, практически, то есть с Филиппом, – сорок. Но поскольку часов на мне нет, это все равно не имеет значения.

Итак, мы идем в парк, но, разумеется, не к тем воротам, которые устроила администрация и у которых зачем-то торчит вечно зевающий милиционер. На его территорию мы проникаем нелегально, более коротким путем, известным лишь нам с Филиппом и еще двум-трем сотням тысяч окрестных жителей. Неприметный путь этот лежит между кирпичным заводским забором и старой заброшенной спортплощадкой. Правда, спортплощадка не совсем заброшена. Здесь на остатках трибун пьют и спят лица БОМЖ и некоторые примкнувшие к ним коренные москвичи, а на бывшем спортивном поле, заросшем сорняками, частенько тренируются какие-то молодые люди патриотической ориентации. Парни с воинственными воплями задирают ноги, обутые в высокие ботинки, и колют кирпичи о свои бритые головы. Это, пока таджики метут улицы, они здесь оттачивают свои боевые искусства. Вид у этих ребят устрашающий, но нам с Филиппом бояться их нечего. Переплетенные во мне ДНК моих предков придали мне самую что ни на есть титульную внешность, а еще более сложный геном Филиппа сформировал из него стопроцентную дворнягу. Впрочем, бритоголовые настолько заняты разбиванием кирпичей, что вряд ли замечают кого-нибудь вокруг себя. Думаю, что в глазах их сейчас одни только искры.

Наша с Филом секретная лазейка замаскирована кучей мусора – битым кирпичом и разной неопределенной дрянью, какая остается после бомжей. Не всякий даже догадается, что это и есть вход в настоящий большой парк.

Благословенны российские заборы! Их много у нас, но в каждом имеется тайный проход. Знание этих проходов делает нас свободными людьми. Оно, как всякое тайное знание, дает нам ощущение избранности. Наверное, оказавшись на том свете, россияне первым делом отыскивают плохо прибитые доски в заборе, ограждающем райские кущи. Отыскивают, чтобы можно было гулять туда-сюда, минуя апостольский фейс-контроль. Знание проходов – привилегия местных жителей. В наших провинциальных городках только местные умеют передвигаться, не утопая по колено в грязи, а в Москве каждый абориген одарен наследственным знанием карты метро. Я, хотя и не родился в столице, тоже считаю себя местным жителем, потому что освоил вот эту лазейку. Тамара, моя бывшая жена, урожденная москвичка, и мне приятно сознавать, что с тех пор, как она от меня ушла, я отнюдь не потерялся в большом городе.

Первое, что я делаю, оказавшись в парке, – это, к обоюдному нашему удовольствию, отцепляю себя от Фила. Даже очень близким существам хорошо иногда разъединиться, потерять друг друга из виду. Разбежаться, но только на короткое время и недалеко, чтобы, вдруг на миг ощутив свое сиротство, привстать в траве на задние лапы и увидеть: нет, вон оно, близкое существо. Конечно, отпустив Фила, я не снимаю с себя ответственности за него. Если появится вдруг конный милиционер и спросит, чей это пес тут бежит, я буду вынужден признаться, что мой. На это милиционер может сделать мне выговор и запретить беспривязный выгул, а может просто кивнуть и величественно проследовать далее. Я не знаю, как он поступит, потому что до сих пор еще ни один милиционер, ни пеший, ни конный, не показывался в этом глухом углу парка. Собственно, милиции здесь нечего охранять: тут некому нарушать общественный порядок за неимением общества и некому портить общественную собственность ввиду отсутствия таковой. То-то и замечательно в настоящем большом парке, что власти не в состоянии обустроить его целиком. У властей недостаточно лавочек, фонарей, тротуарной плитки и милиционеров, а нам то и любо. И мне, и Филу больше нравятся тропки, прячущиеся в некошеной

траве, и деревья, выросшие не по плану департамента озеленения, а там, где упало родительское семя. Может быть, это потому, что мы с ним оба все-таки горожане в первом поколении.

Но здесь еще не конечная точка нашего маршрута. Мы идем дальше. Неприметная тропка прячется, как я сказал, в некошенной траве – в основном старой злющей крапиве, которая жалит даже сквозь штаны. Затем надо спуститься по крутому склону, по которому проще было бы съехать на зад. Внизу – вечно сырой, чавкающий под ногами лужок. Мы пересекаем его, собирая на себя репейник, в окружении взлетающих по тревоге пчел и стрекоз. Еще немного, и мы будем у цели. «Но что это за цель, – спросите вы, – если стоит она таких усилий?» Минуту терпения. Мы продираемся сквозь гряды цепких кустиков, и вот она перед нами – цель нашего путешествия. Эта цель – Москва.

Москва – зеленоватая неширокая река, омывающая берег, выложенный валуном. Как любая река, она служит естественной преградой – разделительной чертой и границей. Здесь, на берегу, кончается парк, а где-то по фарватеру – возможно, там, где покачивается пирамидальный бакен, – уже проходит граница моего муниципального округа. Вздумай я переплыть через эту границу, на другой берег вышел бы гражданином второго сорта. Если бы я подал в тамошнюю управу жалобу, то ее бы даже не зарегистрировали, а послали бы меня назад через реку.

– За Москвой земли для нас нет, – шучу я, обращаясь к Филу.

Но ему и на родном берегу хорошо. Похлебав московской сомнительной водички, он приступает к своей обычной охоте на уток, а я сажусь на камень и достаю сигареты. У Фила здесь свой интерес, а у меня свой. Я курю и гляжу на реку в ожидании какого-нибудь суденышка. Но московская акватория на удивление пустынна. Мне непонятно, отчего у огромного города в его единственной водной артерии почти не бьется пульс. И это в то время, когда на суше жизнь кипит. Особенно она кипит в том округе за рекой, где мои жалобы недействительны. Там один за другим в небо вздымаются бело-розовые дома бизнес-класса. В одном из них на двадцать четвертом этаже живет своей новой кипучей жизнью моя бывшая жена. Я знаю этот дом, я даже вижу его со своего камушка. Будь у меня бинокль, я смог бы рассмотреть отсюда Тамарины окна.

Я сижу, жду суденышка и думаю о том, как странно все получилось. Раньше мы с Тамарой никогда не гуляли в этой части парка, потому что здесь нельзя ходить на каблуках, а теперь я таскаюсь сюда, чтобы вроде как ее навестить.

Едут на дачу

Лето. Субботнее утро. В потоке машин, стремящихся за город, – уверенный в себе джип-Гелендваген. Дмитрий Павлович с Тамарой едут на дачу. Тамара – вторая жена Дмитрия Павловича, а Дмитрий Павлович – второй муж Тамары. Кто была первая жена Дмитрия Павловича, мне неизвестно; сам он с ней больше не знает. А первым мужем Тамары был я, и на дачу они едут ко мне. Вообще-то у них есть собственный загородный дом, но с тех пор, как Тамара нас познакомила, они стали навещать меня регулярно. Мы с Дмитрием Павловичем, что называется, на короткой ноге. Я обращаюсь к нему запросто: «Палыч» – так же, как его шофер. Шофера я видел пару раз; он Палычев тезка, и, чтобы их не перепутать, все зовут его «Дима-маленький». Росту в Диме-маленьком метра два.

У Дмитрия Павловича есть несколько причин, чтобы несколько раз за лето путешествовать ко мне в Васьково на шестидесятый километр. Во-первых, его Гелендвагену невредно иногда вспомнить, что он внедорожник. Во-вторых, Дмитрий Павлович уверяет, что ему ужасно нравится мой шашлык. И в-третьих, он почему-то считает нужным делиться со мной своими наблюдениями над жизнью. Сам Дмитрий Палыч – человек деловой, ему лично эти наблюдения ни к чему, но я единственный среди его знакомых писатель. Фактический материал, считает он, очень для меня важен, чтобы я, по его выражению, «не сосал из пальца». Что это за материал у него и откуда он сам его сосет, я еще расскажу.

Труднее понять, для чего ко мне ездит Тома. Если ее спросить, она, не задумываясь, ответит: «Как для чего? Надо же мне убедиться, что ты жив-здоров. Да и грядки твои кому-то надо полить». Однако надо иметь в виду, что, если женщина отвечает не задумываясь, это означает, что она говорит неправду. Грядок в Васькове она не поливала, даже когда мы были женаты. Полагаю, что и в теперешнем их новом имении не поливает, если таковые там имеются. Скорее всего – так мне кажется, – она приезжает сюда, чтобы убедиться лишний раз в том, что не полюбила меня обратно. А заодно сравнить меня, недотепу, со своим Димой: какой вот он умный и наблюдательный – вполне бы мог тоже сделаться литератором, если бы не занимался бизнесом и умел писать.

И вот эта парочка едет субботним утром ко мне на дачу. По случаю выходного дня Дмитрий Павлович ведет машину сам. Он вращает рулем вправо-влево, и Москва в окнах Гелендвагена поворачивается то одним боком, то другим. В машине играет радио. Семь динамиков, спрятанных в разных местах, создают объемное звучание, поэтому диджейский щебет слышится то там, то тут, словно по салону порхает сбежавший попугай. Дмитрий Павлович, когда он за рулем, предпочитает, чтобы звучало радио и не звучала бы Тамара. Она знает это и помалкивает.

Тем временем городской пейзаж за окнами меняется. Уже вдоль шоссе потянулись бетонные складские терминалы, похожие на огромные обувные коробки. Они перемежаются жилыми бетонными многоэтажками, похожими на складские терминалы. Это московская периферия. Скоро уже кольцевая дорога, а за ней... В сущности, ничего страшного за нею нет, просто это такой психологический рубеж: Московская кольцевая автодорога. С ее приближением Тамара начинает проявлять беспокойство и наконец нарушает молчание.

– Скоро кольцо, – сообщает она.

– Ну и? – откликается Дмитрий Павлович.

– Ты за продуктами заезжать собираешься?

– Тьфу ты! – досадует он. – Что же ты раньше молчала?

– Значит, это я обо всем должна думать!

Дмитрий Павлович, сбавив скорость, смотрит по сторонам дороги.

– Найди еще тут приличный магазин... – хмурится он.

Магазины-то здесь есть, но бренды и впрямь не впечатляют: то «гастроном», то «продукты». Наконец Тамара выглядывает впереди новенький большой супермаркет.

– Вон, – показывает она. – Видишь – слева?

– Вижу, что слева, – хмуро откликается Дмитрий Павлович. – А где я, спрашивается, буду разворот искать?

Он тормозит у обочины, но из машины не выходит, а продолжает сидеть, обхватив руками руль.

– О чем задумался, Дима? – спрашивает его Тамара.

– Думаю, где мне развернуться, – отвечает «Дима». – Придется до кольцевой ехать.

Тамара замужем не впервые, и она уже умеет проявлять сдержанность.

– Вот мы, – говорит она ровным голосом, – а вон магазин. Надо всего-то перейти через дорогу. А разворот нам искать незачем.

Вы только не сочтите Дмитрия Павловича туповатым. Он не тупее других мужчин, а в своей области и вовсе, как говорит Тамара, креативная личность. Просто он существо территориальное, и креативность его уменьшается пропорционально удалению от центра города. Но сейчас управление берет на себя Тамара. Ей удастся убедить Дмитрия Павловича прогуляться через дорогу, благо подземный переход оказывается совсем недалеко от места, где они остановились. Ну да нет худа без добра. Пройдясь пешочком, Дмитрий Павлович пополнит свой запас жизненных наблюдений и в гости к писателю приедет не с пустыми руками.

Итак, наша пара покинула Гелендваген и отправилась в супермаркет за продуктами, чтобы привезти их в Васьково. А в самом Васькове в это время уже идут приготовления к встрече. Старые продукты подвергнуты ревизии; часть их удалена из холодильника, часть отскребана от сковородки. Все, что может огорчить Тамару своим видом и запахом, выброшено в компостную яму. Убрана из кухни гирлянда стиранных носков как излишне трогательный символ холостяцкого быта. Застлано наше с Филом полутораспальное ложе. Сам Фил более или менее вычесан. Даже небо над Васьковым сегодня по-особенному чистое и промытое – но это уже старался не я.

Синь неба, зелень садов – милый уездный пейзаж. Я покурываю на крылечке и оживляю этот пейзаж ярко-красным пятном. На мне алая финская майка, купленная когда-то еще Тамарой. За годы носки она не вылиняла – когда я в ней, насекомые подлетают поинтересоваться, нет ли на мне нектара. Даже козявки падки на заграничное, хотя зачем им нектар, если здешний воздух сам по себе так чист и вкусен? «Как хорошо иметь дачу в Васькове, – благодуществую я между затяжками. – Ни на что бы не променял». В действительности я давным-давно уже это сделал – променял Васьково на Москву. Потому что – открою секрет – дача эта вовсе не дача, а моя малая родина. Да, уважаемые, тут я родился, только вот не пригодился, вопреки пословице. На этом крылечке я играл, еще будучи ребенком. Здесь, в этом домике, прожили свой век мои отец и мать. А называть это место дачей приучила меня Тамара.

На близкой церковной колоколенке наблюдается шевеление – сейчас ударят «часы»... Крикнуть, спросить: не видать ли им сверху приближающегося Гелендвагена?

«Бам-м-м!»

Едет. Я словно сердцем чуял. Вот он медленно катится по моей улице, хрустя щебнем и пробуя широкими шинами ямы. Смелее, машина, ты же вездеход! Встреча обеспечена: Туман, друг Филиппа и он же наш местный глашатай, забегает перед Гелендвагеном, словно папарацци перед кинодивой, и, захлебываясь восторженным лаем, пытается укусьить его за колесо. Вот и соседи мои здешние повысунулись из-за заборов, будто куклы из-за ширм. Только сейчас они не дают представление, а сами на него gazeют. Что ж, им судить, стоило ли ради такого зрелища отрываться от огородов.

Гелендваген еще едет, а в рядах встречающих уже конфликт: Филипп с Туманом от волнения подрались. Я пинками улаживаю инцидент, но общее напряжение сохраняется. Теперь

внимание – машина остановилась напротив моей калитки. Дверцы ее с обеих сторон распахиваются, из-под них показываются две разных ноги – слева женская в туфельке, справа мужская в длинноносом ботинке. Та и другая не слишком уверенно ступают на васьковскую почву... и, собственно, все – прибытие состоялось. Дальше следуют объятия, щекотание собак за ухом и разгрузка багажника. Спустя три-четыре минуты на сцене уже никого – кроме Тумана и Гелендвагена. Хотя и Гелендваген тоже на сегодня свое отыграл. Сердце его остановилось раньше, чем за хозяином закрылась калитка, – он только и успел, что прощально свистнуть. Для Тумана он теперь не более чем остывающий кусок железа. Равнодушно, скорее для порядка, кобелек окропляет недвижимое колесо и трусит по своим делам. Представление окончено.

Но так уж ли оно окончено? Перенесемся за кулисы и убедимся, что спектакль продолжается, только без посторонних глаз.

– Хорошо тут у тебя! – басит Дмитрий Павлович и шумно тянет носом воздух. – Уютно так, знаешь...

Он говорит это из великодушия, а я из скромности не соглашаюсь:

– Подумаешь, уютно... Деревня – она и есть деревня.

– Не скажи, – возражает Дмитрий Павлович. – Вон у тебя и яблоки, я смотрю.

– Подумаешь, яблоки... Разве на твоей фазенде, Палыч, яблоки не растут?

– Не-а... Томка там эти выращивает... орхидеи. А они говном пахнут.

Он кидает искоса взгляд на Тамару, и не напрасно. Она делает ему замечание:

– Не люблю, когда ты так выражаешься. Мужчине это не идет.

Тамаре хочется, чтобы в моем присутствии Дима ее выглядел комильфо.

– К тому же, – продолжает она с некоторым вызовом, – если на то пошло, здесь этим воняет и безо всяких орхидей. А яблоки у него только в компот годятся.

– Ну хоть бы и в компот, – теперь Дмитрий Павлович косится на меня. – И про вонь, Зайка, ты зря – ничем здесь таким... – он нарочно делает опять глубокий вдох и, неожиданно засосав носом мошку, визгливо чихает.

Чтобы прервать их спор, я приглашаю обоих «заек» в дом. Но и здесь продолжается лицедейство. Тамара, изображая строгую заботливость, проверяет чистоту у меня на кухне. Дмитрий Павлович, демонстрируя простоту и дружескую нецеремонность, без спросу усаживается в Филово кресло. Я его не стоняю – пусть собачья шерсть хорошенько облепит его дорогие брюки. Фил не рычит на него потому только, что уже исследовал приехавшие с гостями сумки и теперь прикидывается милягой псом – в надежде на поживу. Мотив понятный, хотя и не очень-то красивый. А вот зачем притворяюсь я – милягой и любящим родственником, – этого я объяснить не могу.

День проходит так, как и должен проходить летний дачный день, – в неге и лени. Чтобы ничем не запомниться, кроме вот этого состояния дремотного неосмысленного блаженства. В саду моем происходит что-то вроде оргии наоборот – мы, все четверо, отдыхаем наподобие львиного прайда. Филипп валяется в тенике под кустом. Тамара загорает в траве, демонстрируя отсутствие целлюлита. Дмитрий Павлович как доминирующий самец развалился с газетой в гамаке. Я тоже неплохо устроился в стареньком соломенном креслице. Чтобы совсем уже не заснуть, мы с Дмитрием Павловичем на пару разгадываем кроссворд. Разделение труда у нас такое: я даю ответы, а он записывает их карандашиком.

– Композитор на «Г», четыре буквы.

– Глюк, – отвечаю я.

– Не подходит.

– Тогда Гуно.

– Молодец, писатель... Дальше... Условие страхового договора... восемь букв... о, ну это франшиза!

– Умница ты моя! – мурлычет из травы Тамара.

Я думал, она нас не слушает. Это было первое слово, которое отгадал ее Дима.

– Утрата, – продолжает Дмитрий Павлович.

– Повреждение, – отвечаю я.

– Нет, шесть букв.

– Тогда – потеря.

– Потеря, потеря... Правильно...

Оживившись, Дмитрий Павлович качнулся в гамаке:

– Слушай, мы с Томкой сегодня такую сценку видели – тебе как писателю может пригодиться. Бомж с бомжихой в подземном переходе ругаются. Он ее бьет, а она ему орет: «Ты хочешь меня потерять?»

Пауза.

– И все? – спрашиваю я.

– Ну да... «Ты хочешь меня потерять?» – прямо анекдот.

– Не вижу ничего смешного, – подает голос Тамара.

Я с ней согласен.

Васьково – Москва

Случалось ли вам бывать в Центральном округе Москвы погожим летним воскресным днем? Скорее всего, нет, потому что вы, как все нормальные люди, проводите такие дни на даче. Я тоже сидел бы сегодня в Васькове и знать не знал, что делается в этом самом ЦАО, если бы не одно важное обстоятельство. Именно сегодня меня пригласили на радиоинтервью. Вообще-то я не большой любитель каких бы то ни было интервью. Знаете, у некоторых писателей тяга к публичности, говорят, сильнее, чем половое влечение, но я не таков. Однако уж если и давать интервью, то желательно на радио. На телевидении вам перед эфиром обязательно станут пудрить нос, а газета плоха тем, что в печатном виде увековечивает все сказанные вами глупости, помноженные на глупости интервьюера. Так что уж лучше радио – здесь неважно, как вы выглядите, и все, что вы ни сболтнете, канет в эфире и будет забыто скорее, чем начнется новая передача.

Станция, куда меня пригласили, небольшая, но уважаемая. Студия ее прячется где-то здесь, недалеко от московского центра, в квартире одного из домов. Если я ее найду, а вы в FM-океане выловите эту уважаемую станцию, то через полчаса сможете услышать мое бормотание в прямом эфире. Я еще не знаю, о чем будет разговор, но оно и неважно. Главное в радиоинтервью – не шепелявить, не сморкаться и не делать долгих пауз. Если все пройдет хорошо, ведущая покажет мне большой пальчик, хотя вы, слушатели, его не увидите.

Вот такая серьезная причина оказаться мне здесь и теперь – жарким воскресным полднем в самой московской середке. Мне приходится идти по улицам, держась теневой стороны. Докладываю господам дачникам: сейчас бы вы не узнали своего города. Представьте себе кита, выброшенного на берег и обсыхающего под солнцем. Те, кто плавал на нем, кто населял складки его необъятной шкуры, – все они разбежались, расползлись, спасая свои маленькие жизни. Где привычные людские толпы? Где легендарные московские пробки? Улицы пусты, как голова писателя перед интервью. В шкуре мегаполиса остались лишь те немногие, самые преданные его спутники-паразиты, кому суждено жить, а случись, и погибнуть вместе с ним. Кто же они, эти горожане из горожан? В основном это лица БОМЖ и разного рода попрошайки. Бомжи спят и бродят, где им вздумается, – им сегодня вольготно, как тараканам на кухне в наше отсутствие. А у попрошайек простой – чтобы не потерять квалификацию, они кланчат подавание друг у друга. Прочего народа мало – кроме писателей, приехавших на интервью, большую часть его, наверное, составляют домушники, промышляющие в ваших, господа дачники, оставленных квартирах.

Эти места я знаю не очень хорошо, но чувствую, что иду правильно. В трезвом виде я в Москве еще ни разу не заблудился, а сейчас я если и пьян немного, то только от зноя. Когда я бреду незнакомыми переулками, впереди меня летит ангел и показывает дорогу. Вот он подсказывает мне свернуть налево, потом направо, потом перепрыгнуть через какой-то то ли провал грунта, то ли раскоп, и я попадаю... ну да, я попадаю в нужный мне двор. Все сходится: переулок, номер дома и, главное, вывеска с именем моего радио у подъезда. Неправильное только время: мне назначено было прийти через двадцать минут. Понимаете, это очень не по-московски – являться куда-либо загодя. Девочкам из редакции придется поить меня кофе и вести со мной светский разговор. При этом они то и дело будут убегать по каким-то срочным надобностям, оставляя меня наедине с моей неловкостью. Кроме того, в наших редакциях никогда не знаешь заранее, можно ли там курить, или надо идти на лестницу.

Все эти соображения излагает мне другой мой ангел – ангел благоразумия. Следуя его совету, я решаю высидеть последние мои непубличные минуты просто на лавочке во дворе. Я сажусь, закурываю и от нечего делать принимаюсь осматриваться. Двор как двор – нормальная московская четырехстенка. Только посередине его стоит не трансформаторная будка и не

какая-нибудь насосная подстанция, а большое кубическое сооружение с решетками-жабрами по бокам. Через эти решетки с ровным гулом дуют на четыре стороны упругие теплые ветры, насыщая двор ароматом, знакомым каждому столичному жителю. Не надо даже звать ангела сообразительности, чтобы понять: сооружение это – дышало московского метро. А в остальном все, как положено в обычном дворе: детские качели, песочницы, лавочки для желающих присесть. Все это пусто сейчас, но не по причине удушливых токов, идущих из дыхала, а потому что, напоминая, сейчас лето и воскресенье.

Хотя... прошу прощения, я не разглядел в тени дерева сидящую по диагонали от меня старушку. Возможно, старушку забыли, когда укладывались, собираясь на дачу... Она не курит, не кормит голубей, не читает книжку. Просто сидит на лавочке, а ветер из метро шевелит ее седую прядку. «Наверное, бабушка не в себе, – думаю я. – Чудные бывают эти московские старушки». Мы сидим далеко друг от друга, так что лица ее мне не разобрать. Через пять минут я пойду рассказывать радиослушателям о себе и своем творчестве. О старушке я забуду и никогда не сделаю того открытия, что на самом деле мы с ней давным-давно знакомы.

Зовут ее Марина Михайловна, и старушка она не вполне московская. Во всяком случае, из ума она выживала не здесь, в ЦАО, а в пригородных электричках. «Москва – Васьково»; шестьдесят километров в один конец; сорок пять лет и сколько-то месяцев. Тетя Марина жила в домике по соседству с нашим и тоже, конечно, имела участок – положенные четыре сотки. Но возделывать их приходилось моей матушке, потому что самой ей было некогда. Тетя Марина работала в метро. В благодарность за помощь она приносила нам «бабаевские» конфеты и как-то раз свозила меня в Москву на «елку». Сколько я помню, одевалась она всегда со вкусом, носила берет, но женского счастья не имела. Да и какое счастье можно устроить, если полжизни проводишь в дороге... В метро, конечно, проходит много мужчин, но кто, скажите, станет любезничать с женщиной, управляющей эскалатором? Однажды мне с матушкой случилось оказаться на тети-Марининой станции в ее дежурство. Матушка ее узнала и очень обрадовалась, а тетя Марина только строго кивнула нам и снова заговорила в микрофон: «Проходите, граждане, не скапливайтесь у турникетов!»

Между тем в Васькове в те годы не было никаких проблем с трудоустройством. Дымили вовсю и химический завод, и железобетонный, и деревообрабатывающий. Моим родителям было невдомек, для чего соседка истязает себя этой ежедневной ездой в Москву. Ну не ради же того, чтобы кушать каждый день сосиски и «бабаевские» конфеты. Отец мой, человек прямой, так и говорил: «У этой Маринки не все дома». – «А кому же и быть дома у тети Марины, – удивлялся я про себя, – если все у нее – это она сама?» Я в те годы, понятно, находился под отцовским влиянием, но в душе мне нравился ее столичный стиль. Я не знал еще, что через несколько лет заболею тети-Марининой болезнью и сам узнаю, что такое любовь. Не вся Москва, но одна ее жительница приворожила, влюбила меня в себя и погубила мою жизнь. Но это другая история.

А на Маринину беззаветную любовь Москва не отвечала никак. Ценою очередной нелегкой подземной вахты женщина добывала право на краткое свидание с городом. Она шла походкой москвички, одетая, как москвичка, и покупала в гастрономе сосиски – деликатные триста граммов. Все напрасно. Марина видела, как вечерами затепливаются окна московских домов, но ни одно из них не принадлежало ей. Во всем этом прекрасном и необъятном нагромождении жилья для Марины не находилось ни окна, ни квадратного метра. Уютно звенящие трамваи развозили настоящих москвичей по месту прописки, а ей дорога была на вокзал. Грязная, прокуренная электричка, набитая такими же, как она, «нерезидентами», крича больным петухом, уносила Марину во тьму и холод.

И так проходили год за годом. Жизнь человеческую вообще принято сравнивать с дорогой, а в случае Марины Михайловны это был конкретный перегон: сначала Васьково – Москва, потом Москва – Васьково. Бывали ли на этом перегоне «происшествия», события, достойные

упоминания, я не знаю. С матушкой моей они о чем-то порой шушукались, но мы с отцом не имели привычки вслушиваться в женские разговоры. Практически в жизни тети Марины ничто не менялось вплоть до выхода ее на пенсию. А когда она завершила трудовой путь и вынуждена была осесть в Васькове, всем нам показалось, что она прибыла на конечную станцию. Не стало сосисок и «бабаевских» конфет; и жалко нам было видеть, как быстро наша соседка состарилась в разлуке с предметом своей неразделенной страсти.

Ее участок был, конечно, самым неухоженным на нашей улице. Кур, которых она завела по совету моей матушки, Марина Михайловна ненавидела и боялась. Они отвечали ей тем же и при каждой возможности норовили сбежать. Общалась она только с нами, потому что остальные соседи недолюбливали ее и дразнили «москвичкой». Платок и «куфайка» не шли Марине Михайловне, но она теперь нарочно целыми днями ходила в «затрапезе», словно выражая тем презрение всей нашей убогой деревне.

Как ни трудно складывалась вся предыдущая жизнь Марины Михайловны, но эти годы оказались для нее самыми безрадостными. Что может быть печальней одиночества в пожилом возрасте? Сидишь – угасаешь, а побежишь за курицей, и самой делается страшно – чем кончится эта пробежка. А чем бы все кончилось для Марины Михайловны? – скорее всего, инсультом или инфарктом. Решение этого вопроса виделось уже не за горами, однако... однако так получилось, что оно было самым неожиданным образом отложено.

Удивительный и счастливый поворот в жизни Марины Михайловны произошел не без посредства моих добрых родителей. Дело в том, что счастье ее постучалось сначала в нашу калитку. Явилось оно в виде интеллигентного старичка, поинтересовавшегося снять у нас на лето комнату. В те времена это было в порядке вещей – москвичи снимали дачи у местных жителей, вместо того чтобы возводить свои собственные. В первую минуту матушка моя обрадовалась. Денежки, они в хозяйстве нелишние, а комната сына (то есть моя) была свободна, потому что он (то есть я) жил тогда уже в Москве. Но сын приезжал иногда подкормиться и просто на выходные; увидев, что комната занята, он вздумал бы, чего доброго, обидеться. А с другой стороны, в доме имелась еще веранда, где сын (не барин!) вполне бы мог разместиться... В общем, матушке срочно понадобился совет отца. Отец выслушал все ее соображения, а потом пошел во двор взглянуть на старичка. Мужчины побеседовали минут десять. Затем отец вернулся в дом к матушке и сказал, чтобы гость не слышал:

– Этот нам не годится. Нуден очень. Ты его того... Маринке-«москвичке» сосватай.

И отправился опять смотреть телевизор. Спорить с ним было бесполезно, поэтому матушка повела постояльца к соседке. Чем старичок не глянулся отцу, понять было нетрудно: если человек совсем не выпивает, не курит и не играет в шахматы, жить с ним под одной крышей невыносимо, хотя бы даже и за плату.

Зато, как ни странно, у тети Марины старичок прижился. А может быть, она сразу на него глаз положила – женщины, они ведь стратеги великие. Как бы то ни было, дедушка не только исправно платя, проживал у нее все лето, но под конец сезона предложил ей руку и сердце. Чем пленила Марина Михайловна московского старичка – эту тайну он унес с собой в могилу, а почему она дала ему согласие – можно не спрашивать. пышной свадьбы «молодые» не играли, но в загсе документы оформили, все как положено.

Что было дальше – об этом, конечно, вы уже догадались. Некурящий старичок, имени которого мы даже не успели запомнить, вскорости помер. Побежал, говорят, за курицей. Марина же Михайловна, недолго думая, продала «поместье» и перебралась на жительство в его московскую квартиру.

С тех пор прошло много лет. Возможно, Марина Михайловна и сама подзабыла имя своего кратковременного супруга, но это неважно. Она счастлива; она будет жить еще долго... но придумывать эту жизнь мне уже недосуг – мне пора идти на встречу с радиодевочками и с вами... Когда Марина Михайловна все-таки умрет, ее любовь, ее Москва, этого не заметит.

Счастье возможно

Ночь. Над городом, подобно дурно натянутому экрану, провисает желтовато-белесое, в облачных латках небо. Какие-то сполохи и световые пятна гуляют по нему, и светлячки летательных аппаратов оживляют его своим медленным бесшумным движением. Но «кина не будет». Точнее говоря, не будет другого, потому что это оно и есть – бесплатное психоделическое кино для жителей московских многоэтажек. Прямо скажем, зрелище не перенасыщено действием, однако, как ни странно, последний этот сеанс собирает довольно много зрителей. Места здесь все экономкласса, зато для курящих.

Я вздуваю свой маленький огонек у себя на балконе, а на балконах и лоджиях соседних домов тут и там мерцают такие же огоньки. Каждый год до самых морозов мы, ночные курильщики, посылаем друг другу и небу световые сигналы, которые невозможно расшифровать. Самих нас не разглядеть – мы как темная космическая материя, о существовании которой можно судить только по косвенным признакам. Кто вы, мои ночные собраты, скрытые в сумеречных пазухах лоджий? Каких философских, метафизических высот достигли вы, глядя в московское небо? Может быть, кто-то из вас далеко превзошел меня в умственном развитии.

Самолет, поводя усом прожектора, валится в направлении аэропорта. Нынче все авиакомпании экономят топливо, поэтому посадка будет стремительной. Превозмогая тошноту, пассажиры встретят ее аплодисментами. Но еще раньше без оваций приземлится чей-то окурок, пролетевший перед моим носом секунду назад. Незнакомый курильщик, живущий где-то надо мной, явно не представитель высокоразвитой цивилизации.

Окурок падает наземь и медленно гаснет. Мог упасть на крышу ночующего авто или на голову подростку, пьющему пиво, но он, никому не причинив беспокойства, ложится на асфальт и тихо умирает. Еще один. Асфальт – это почва и дно города, прирастающее такими вот отложениями. Как и из чего варят асфальт, я в точности не знаю, но слышал, что вещество его органического происхождения. Это заставляет призадуматься. Зато я знаю, что не правы те, кто утверждает, будто на асфальте ничего не растет. Вон, прямо подо мной горланит компания молодежи. Эта буйная вечно-тусующаяся поросль взошла на асфальте. На асфальте вырос и я – как личность и как писатель.

Мне не хотелось бы показаться таким урбанистом-идеалистом, но право слово: в городе жить уютно. Спать под его шумок и слышать под утро, как деликатно урчащий мусоровоз помогает опорожниться вашему домовому коллективному кишечнику. Провести свой день в пеленах забот с перерывами на кормление, а вечером по вкусу и средствам получить заслуженный релакс. Что может быть лучше? Ты боишься темноты, но в городе темно не бывает даже ночью. Тебя пугают звезды и космос, но здесь ты их не увидишь. А если все же захочется на сон грядущий пощекотать нервы, то можно посмотреть по телеку городские новости.

Я сам иногда с интересом смотрю московские новости – особенно криминальные. Особенно про разборки в верхних эшелонах власти и бизнеса и про то, как у знаменитостей угощают их лимузины. В такие минуты приятно осознавать себя малоизвестным и малоимущим. Нет лучше защиты, чем собственная малость. Крошечному существу легче спрятаться, и оно не ушибается при падении. Что ни говорите, хорошо чувствовать себя незаметным, а что, если не город, дарит нам это уютное ощущение?

Конечно, мы, малые, тоже плачем, и жизнь наша вовсе не лишена драматизма. В ней случаются по-своему занятные сюжеты. Другое дело, что они не попадают в новостные хроники, а сразу и непосредственно предаются забвению. Либо, в лучшем случае, становятся добычей второразрядных прозаиков. Я как раз и хочу, пока вы не уснули, рассказать вам историю одной моей знакомой – самой обыкновенной горожанки. Вообще-то она одноклассница моей бывшей жены, но и мне человек не посторонний.

Зовут ее Лида Суркова. То есть зовут ее Лида, а Суркова – ее школьная фамилия. Я не говорю – девичья, потому что слово это устаревшее и неточное. Потом у нее была фамилия Любохинер (очень недолго), потом Барботкина. Здесь нет ничего необычного: при нынешнем динамичном образе жизни все скоро изнашивается. Время от времени женщинам приходится обновлять фамилию, или, выражаясь современным языком, проходить ребрендинг. Лиде в этом деле не везло, но и такое не редкость. Вообще вся история ее довольно типичная, за исключением, быть может, счастливого финала.

Итак, сначала. Жила была Лида под условно девичьей фамилией Суркова. Девушка как девушка: хорошистка в учебе и ничего собой. Приятно, говорят, пела. И были у нее простые, всем понятные девичьи страхи – она боялась грозы с молниями, аборта, неудачного замужества и потолстеть. Проще сказать, она боялась неизбежного. Как-то летом у них в доме гостил сын институтского однокашника Лидино отца Жора Любохинер. Жорик приехал из Днепропетровска – он собирался или делал вид, что собирается куда-то поступать. Однажды, когда родителей не было дома, а Лида с Жорой были, в Москве разразилась ужасная гроза. Перепуганная Лида бросилась искать спасения у Жорика на груди. Не растерявшийся юноша для пущей защиты накрыл ее своим телом. Забывши об осторожности, девушка под громы и молнии зачала. Лидин папа, узнав о случившемся, скрежетал зубами и хотел немедленно вышвырнуть вон коварного приживала. Но Лида и ее мама воскликнули в один голос: «Только не аборт!» Начались приготовления к свадьбе. Из Днепропетровска приехало множество Любохинеров и их родственников, употреблявших в разговоре фрикативное «г». В загс молодые поехали на «Чайке», а для родственников пришлось нанять львовский автобус. Тот же поезд доставил их потом к кафе, где уже были накрыты свадебные столы. Здесь «Чайку» отпустили, а автобус заехал за угол и встал там в ожидании нескорого окончания пиршества. Угощение было достаточное. Кто-то из Любохинеров, возможно, ожидал большего, но многие из числа приглашенных и особенно не приглашенных лиц оказались вполне довольны. Водка с шампанским свободно текли во рты, изливаясь обратно сладким медом речей. Молодые по требованию гостей целовались в губы, и все шло как положено. Но вот после горячего, слегка разомлев, Лида склонила головку на мужнее плечо. То есть не так... Головку она склонила, а плеча-то на месте и не оказалось. Посмотрела Лида – Жорика нет. «Ну, – думает, – куда-нибудь вышел». Однако минуло четверть часа, а муж не возвращался. Лида обеспокоилась и, подобрав кринолины, отправилась его искать. Она обошла все кафе и даже заглянула в мужской туалет – Жорика нигде не было. Лида вышла на крыльцо, где курило несколько мужчин. Она заглянула каждому из них в лицо, но мужа ни в ком не признала. «Вы не видели Жору?» – спросила она. Кто-то из мужчин показал рукой за угол: «Туда вроде пошел». Там, за углом, как раз стоял львовский автобус. Одна дверь автобуса была открыта, а рядом прохаживался с папиросой в зубах водитель. «Вы не видели моего мужа?» – спросила опять Лида. Вопрос был нелепый сам по себе, ведь откуда водителю знать, кто у них там чей муж. «Не видел и видеть не хочу! – ответил он сердито. – Мой автобус вам не блядовник – сейчас уеду, и все!» И в этот момент до Лиды донеслись стоны страсти. Я потому уточняю, что автобус был львовского производства, что у них, у ЛАЗов, сзади имелось длинное сплошное, теплое от мотора сиденье, пригодное для утех на скорую руку. Сейчас их в Россию не поставляют. Лида заглянула в открытую дверь, откуда слышались стоны, и, тоже застонав, лишилась чувств. Тогда же все и открылось: Жорик в автобусе был со своей кузиной Розой, которую всегда «хотел», а в Москву он приехал специально, чтобы окрутить Лиду и получить прописку. Аборт они все-таки сделали – успели, но Лидин папа в результате этих событий стал радикальным антисемитом. Самое печальное, что Лида на нервной почве действительно начала толстеть.

Следующее Лидино официальное бракосочетание произошло не скоро – лет этак через пятнадцать. Но не подумайте, что она спала все эти годы в хрустальном гробу. Нет, она много страдала, много думала. Меняла половых партнеров. Несмотря на пышные формы (а может

быть, и благодаря им), у Лиды всегда был неплохой ангажемент. Но грезила она, конечно, о подлинном чувстве.

С Тамарой, как со школьной подругой своей, Суркова была откровенна.

– Попадись мне такой, – мечтала она как-то за бокалом «чинзано», – такой любящий, настоящий, прямо взяла бы и за ним побежала. Несмотря ни на что.

– Так-таки несмотря? – усомнилась Тамара. – А если он окажется итээровец в дырявых носках?

– Ты не поняла, – усмехнулась Лида. – Я же говорю – настоящий.

– Настоящий в смысле состоятельный, – догадался я.

Лида слегка покосилась в мою сторону:

– Ну, типа того... А этого добра в дырявых носках мы насмотрелись.

– Ну да, ну да, – понимающе закивала Тамара.

В жизни, однако, любящие и «настоящие» распадались на две несмешиваемые категории. Любящие со своей любовью приезжали к Лиде на ржавых «жигулях», а «настоящие» хотя и возили ее в рестораны на хороших машинах, но были всего-навсего «не прочь». Так продолжалось, повторяю, лет пятнадцать. Но однажды Лида объявилась у нас совершенно преображенная.

– Здравствуйте... – пробормотал я, открывая дверь, и лишь через секунду узнал ее: – Заходи, Лида.

В новой прическе, в ярком, чуть ли не вечернем макияже и словно бы даже постройневшая, она никак не походила на ту Суркову, что пускала нюни у нас на кухне.

– А я не одна, – улыбнулась Лида застенчиво. – Я с мужем.

Муж стоял на лестнице и был нам тут же предъявлен.

– Михаил, – представился он, не улыбнувшись. – Барботкин.

Тамара была за подругу рада. Она накрыла на скорую руку стол, и мы с Барботкиными тепло поужинали в формате два на два. Когда Михаил вышел по малой нужде в туалет, Лида спросила Тамару шепотом:

– Ну как он тебе?

– Недурен, – так же шепотом откликнулась Тамара. – Только почему он все время молчит?

Лида пожала плечами:

– Не такое трепло, как другие.

– Ну да, ну да, – понимающе закивала Тамара. – Ну а что он вообще – мужчина-то настоящий?

– Что ты! Обеспечен прекрасно! Не понимаю даже, почему от него две жены ушло.

Михаил справил свою нужду и вернулся. Мы попили кофе и вскоре распрощались.

А недолгое время спустя Лида поняла, почему от Барботкина, несмотря на прекрасную обеспеченность, «ушло две жены». Михаил действительно был мужчина неразговорчивый, поэтому, когда еще до истечения медового месяца он молча и без объяснений попытался овладеть ею в извращенной форме, Лида была шокирована. Вообще-то она не могла пожаловаться на отсутствие добрачного сексуального опыта, но этот ее опыт носил скорее количественный характер. Искусство любви для Лиды сводилось к подборитию «области бикини» и принятию позы, соответствующей обстоятельствам и месту действия. То, чего домогался от нее Барботкин, было выше ее разума. Лида пыталась отвлечь мужа кулинарными изысками, до которых была мастерица. Она обманным путем родила Михаилу прелестную дочь, надеясь, что радости отцовства отобьют у него тягу к перверсии. Все было тщетно, два или три года спустя брак их был аннулирован по обоюдному согласию. Женщина-судья, разведившая их, качала головой, и нам вслед за ней остается лишь удивляться, из-за каких пустяков порой распадаются хорошие семьи.

Как бы то ни было, молчаливый Барботкин исчез за горизонтом, и я рад, что не успел с ним подружиться. Суркова снова осталась одна, но с прибавлением в виде маленькой дочурки. Другие прибавления, неутешительные, произошли у Лиды в области талии и ягодич. Вот, собственно, и вся история двух ее неудачных замужеств, известная мне больше со слов Тамары.

Теперь я расскажу о третьем, удачном. Но сначала небольшое отступление. Москва, как известно, город очень большой. Мужчин в ней проживает и гостит видимо-невидимо. Однако если вы незамужняя женщина средних лет, то знаете, как трудно среди них найти «настоящего» и притом незанятого для создания серьезных долговременных отношений. Полагаю, что Дмитрий Павлович, которого отхватила моя бывшая жена Тамара, был одним из последних таких экземпляров. Но незамужние женщины знают и другое: как ни велика Москва, она не единственный из обитаемых миров. Когда мы, ночные курильщики, вглядываемся в мутное московское небо – что, по-вашему, в это время делают незамужние москвички? Они сидят перед своими пи-си и всю мониторят ближний и дальний обитаемый космос. В глазах их – отраженный блеск экрана; правая рука ласкает «мышку». Сайты знакомств бездонны, безбрежны... Со сколькими мужчинами проводит ночь средних лет среднестатистическая незамужняя москвичка? Скольким отказывает, скольких помещает в «избранное»? Этому нам знать не дано...

Ловля мужчин в Интернете напоминает рыбалку наоборот. Представьте себе пруд, в котором несметно голодной, но по большей части несъедобной рыбы. Только и успеваешь, что снять ее с крючка и швырять обратно в воду. Тут главное, чтобы не притупился глаз, не то, когда попадется рыбка стоящая, можно и ее машинально выбросить. Слышал я и о другой проблеме. Женщины-удильщицы порой настолько втягиваются в процесс виртуальной мужеловли, что, выиграв наконец свой главный приз, не знают уже, что с ним делать. Как мой пес Фил, который обожает охотиться в парке на крыс, но теряет к ним всякий интерес после того, как прикончит.

Но, несмотря на некоторые издержки, ловить мужчину в Сети гораздо удобнее, чем бабушкиным методом натурального знакомства. Так можно экономить небезграничные ресурсы своего обаяния и привлекательности. Не надо даже краситься и обновлять наряды. Запустила наживку в виде собственной фотографии двадцатилетней давности – и сиди, жди. Жаль, что Интернет получил повсеместное распространение лишь недавно и мои сверстницы сели за клавиатуру, в большинстве своем будучи уже потрепанными докомпьютерной реальностью.

Но к чему я об этом заговорил?... Правильно. Наша приятельница Суркова тоже наконец приобщила к ай-ти-технологиям. Здесь у меня в рассказе будет опять пропуск, потому что в тот период мы с Тамарой как раз разводились и мне было не до Лиды с ее электронными «кадрами». Для нас это было довольно нервное время, хотя в итоге все обошлось – никто не покончил с собой, и Тамара с чистой совестью начала новую жизнь с Дмитрием Павловичем. Я даже стал хотя и несчастным, но, как они уверяли, желанным гостем в их доме. И вот однажды, будучи у них, не помню, по какому случаю, я снова встретился с Лидой Сурковой. Она пришла не одна, а с рыжеватым, лысоватым, смущенно улыбавшимся субъектом.

– Это Тим, – познакомила нас Лида. – На Тимошу тоже отзывается.

Мы все поулыбались этому Тиму-Тимоше и сказали, что нам «очень приятно». И тогда Лида, не сходя с места, сообщила нам, что нашла его в Интернете и что, хотя он «страшок» и совсем не похож на свою фотографию, но в душе прекрасный человек. Тамара заметила, что нельзя так говорить при живом мужчине, на что Лида рассмеялась:

– При нем можно. Тимоша из Канады и по-русски ни бум-бум.

– Нье бум-бум, – улыбаясь, подтвердил Тимоша.

В тот вечер он был у нас главной темой разговоров. Тимоша действительно оказался нам неплохим парнем, только несколько робким.

– Представляете, – смеялась Лида, – он даже в булочную ходить опасается. А все почему?

– Почему?

– Кейджиби боится!

При этом слове Тимоша тревожно вскинулся, но Дмитрий Павлович (он уже порядком выпил) приобнял его дружески и стал на ломаном английском объяснять, что никакого кейджиби у нас уже нет, а есть эфесбе, которому нет дела до заезжих канадских придурков.

Через некоторое время Тим, непривычный к российским возлияниям, заснул на диване. Но у нас за столом обсуждение его персоны продолжалось.

– Фамилия его Айкен, – рассказывала Лида. – Это в переводе означает «я могу». На самом деле ничего он не может.

Мы узнали, что Тим нигде не работает и, кроме пенсии по инвалидности, средств у него никаких нет. Лида как женщина ему, конечно, очень нравится, но без виагры он в постель к ней не идет, да и то надо долго уговаривать.

В общем, слушая ее, мы с Тамарой недоумевали – очень уж Тимошин образ не вязался с ее же, Лидиными, описаниями «настоящего» мужчины. Пусть он прекрасной души человек, пусть даже не чаёт этой своей прекрасной души в Лидиной дочке. Но разве нас таких, как он, в России не довольно? Зачем было импортировать из далекой Канады еще одного бедолагу?

– Ну а все-таки что ты в нем нашла? – выпытывала у Лиды Тамара. – Признайся мне как подруге.

И тут я впервые увидел, как Суркова краснеет.

– Не знаю... – ответила она почти шепотом. – Полюбила, наверное...

Настенька

Неужто я по ней соскучился? Тамара, распаковывая чемоданы, щебечет без умолку о прелестях дайвинга – видать, намолчалась там, под водой. Дмитрий Павлович обложился телефонными трубками и что-то басит начальственным тоном – он уже весь в делах. А я стою и гляжу в окно на поблескивающий далеко в небе самолет. Интересно – на взлет он идет или на посадку? Москва из их окон выглядит совсем не так, как из моих. У себя я вижу собачью площадку, крышу продуктового магазина и соседние панельные многоэтажки. Где на бок, где «на попу» они поставлены, конечно согласно замыслу архитектора, но мне со своего балкона этого замысла не уразуметь. Отсюда же совсем другая картина. С высоты двадцать четвертого этажа город открывается вполне осмысленной и величественной панорамой. Уверен, что за эту панораму риелторы, продававшие Дмитрию Павловичу квартиру, взяли с него особо. Что ж, зато мы с Филиппом любовались ею совершенно бесплатно – две недели, покуда возлюбленная пара принимала морские ванны. Теперь, я думаю, столько же времени понадобится Тамаре, чтобы вымести из квартиры собачью шерсть и другие следы нашего пребывания.

Загадка самолета не разрешилась – он просто уполз за облако. Пора уползать и нам с Филом. Встретились, поцеловались – и до свидания; людям требуется отдохнуть с дороги. Будем надеяться, что в наш собственный дом снова дали горячую воду. А жаль немного. Нас здесь даже и страж подъездный начал уже признавать. Вообще-то мы с Филом не очень похожи на тутошних обитателей, так что поначалу мне казалось, что консьержа подмывает спросить, кто я такой и чем промышляю. Но он – гордый орденоносец – не спросил и никогда теперь не узнает, что я писатель, а здесь приживался временно, чтобы поливать цветы своей бывшей жены. А также потому, что в микрорайоне лоу-класса, где я прописан и где мне настоящее место, летом чинят худые трубы.

Две недели, пока Тамара с Дмитрием Павловичем наслаждались адриатической природой, я наслаждался благами цивилизации. До чего приятна жизнь в элитном квартале! Утром здесь не урчат, чихая и отплевываясь, дворовые «жигули». Они не тревожат ничьих ушей, потому что их тут нет, но если б и были, никто не услышал бы их за тройными стеклопакетами. На рассвете безмолвные, таинственные, словно эльфы, дворники сделали свое дело и растаяли в солнечных лучах. Проснулся, заискрился фонтан. И вот уже от подъездов в направлении паркинга шествуют по свежевymетенным, вспрыснутым влагой тротуарам господа в добротных костюмах. Они помахивают добротными кожаными кейсами и поверчивают на пальцах брелоки с ключами от своих добротных авто. Эти господа – московский хай-мидл, надежда и опора новой России. А «новая Россия», народившаяся здесь, в башне из монолит-кирпича, в это время еще посапывает в колыбелях или ест уже кашку. После того как главы семейств разъезжаются по своим офисам, в доме и во всем квартале остаются одни иждивенцы. Это те, для кого господа-труженики являются опорой в прямом смысле слова: их малые дети, красавицы жены и мамы, выписанные откуда-нибудь из Люберец. И хотя весь этот оставшийся народец не создает прибавочной стоимости, но именно для него здесь в обширном дворе разбита аллея и журчит фонтан, для него устроены по первому разряду детские и собачьи площадки и фитнес-центр, который с утра уже вывесил табличку OPEN.

Очень, очень комфортной была наша с Филиппом жизнь в элитном квартале. Конечно, есть в Москве и ее окрестностях места еще шикарнее, но оттуда, говорят, возврата уже не бывает. Но где бы ни жили мы с Филом – временно или постоянно, – утром мы всегда встаем по зову естественных надобностей. То есть тогда только, когда у Фила кончается выдержка и он начинает лизать меня в нос, чтобы я чихнул и проснулся. Обычно это случается где-то уже в предполуденный час, то есть в тот час, который в любом, элитном ли, неэлитном, городском дворе можно было бы назвать часом иждивенца. Орденоносец в холле провожал нас взглядом,

в котором читался недоуменный вопрос. Несколько раз меня тянуло с ним объясниться, но я не мог, потому что естественные надобности Фила не терпели отлагательства. Да и вряд ли отставной военный понял бы, чем неслужащий литератор отличается от бездельника.

По пути к собачьей площадке мы могли наблюдать картину полного демографического благополучия, взятую в отдельном дворе. Его, словно яхты во время регаты, неспешными караванами бороздили детские экипажи. Они плыли по дорожкам или покачивались, причаленные у лавочек. Лики младенцев-колясочников в кружевных окладах обращены были к небу. Мамочки, нянечки и бабушки пасли разноцветные, разновозрастные стада тех, кто уже осваивал земную твердь. Топотом маленьких ног, сопеньем и неумолчным щебетом наполнены были детские площадки, похожие на ожившие цветочные клумбы. Сколько жизни, энергии в этих небольших созданиях!.. Минутная пауза берется лишь для того, чтобы поискать в носу, но взгляд падает на собачку, которая тащит на поводке забавного дяденьку. Дитя раздражается счастливым смехом, и нос его прочищается сам собой...

Прелестная ежеутренняя картина, но нам было некогда ею любоваться. Надобности влекли Фила на собачью площадку, а Фил влек меня, словно катер водного лыжника. Собачья площадка здесь – это поэма чистоте. Вы не поверите – ее можно пересечь из конца в конец, ни разу не вляпавшись в свежие экскременты. В углу ее даже поставлен ящик со специальными отрывными пакетами, хотя я не видел, чтобы ими кто-либо пользовался. Филипп и другие кобельки употребляли этот ящик как почтовый. Я надеюсь описать эту площадку подробнее, чтобы воздать ей должное, но Филу этого описания не покажу. Он не разделял моих восторгов; ему милей площадка под нашим домом – та самая, которая видна из моего окна и которая никогда не пустует. Там для собак есть только старый прогнивший бум и обгрызенная грузовая крышка, но зато много других развлечений. Лавочки по ее периметру – те из них, что еще целы, – заняты обыкновенно местными любителями пива. Если повилиять перед ними хвостом и выразительно пошевелить бровями, то можно получить иногда кусочек соленой рыбки. Вечерами, после захода солнца, на этих же лавочках целуются тинейджеры и вырезают ножиками свои послания миру. Съедобного у них ничего нет, кроме жевательной резинки, но для песика всегда найдется приятельское слово, а девочки еще и почешут за ухом.

Впрочем, все это лирика, а если подопрет, оправишься где угодно. Следующие полчаса уходили у Фила на то, чтобы отдать дань естеству, а у меня просто уходили. Потом мы возвращались в квартиру Дмитрия Павловича. После завтрака для нас обоих наступало личное время. Филипп, прежде чем заснуть, лизал, отвалиясь, свой набитый живот или пробовал на зуб хозяйскую мебель, а я... что делал я? Спорить не стану, в этот час для меня создавались все предпосылки, чтобы сесть за работу. Ноутбук мой призывно светился на столе в кабинете Дмитрия Павловича. Не топали над головой соседи, не свистали, как я уже говорил, под окнами машины, даже кран на кухне не капал. Стерильная, дистиллированная тишина окутывала меня. Но поверьте, в такой тишине хорошо релаксировать мидлу, псу покойно лизать свой живот. Творить же в такой тишине абсолютно невозможно. Кто-то, возможно, скажет, что это дело привычки. Пусть так, но на то я и тонкая творческая личность. Меня трудно ввести в рабочее состояние, а вывести из него – раз плюнуть.

Так что после завтрака я не писал. Пару сигарет я выкуривал у окна, созерцая город с высоты птичьего полета, – но не для того, чтобы привести в порядок толпящиеся думы, а с тем лишь, чтобы убедиться в их отсутствии. Может быть, я напрасно винил во всем квартиру Дмитрия Павловича. Сказать по совести, такие припадки безмыслия случались и случаются со мной при самых разных обстоятельствах, и я давно уже знаю, что надо и чего не надо делать при подобных обстоятельствах. Собственно, рекомендаций две: не надо пытаться работать, потому что толку все равно не будет, а надо пойти погулять.

Этим своим рекомендациям, основанным на жизненном и писательском опыте, я и следовал. То есть, покулив у окна, опять одевался на выход и, оставив Филиппа старшим по квар-

тире, сам с чистой совестью отправлялся гулять. Из стратосферы элитной квартиры я вновь спускался в благоухающий эдем элитного двора. Я шел в аллею и располагался на лавочке близ фонтана. Здесь в сени струй я замирал надолго – по-прежнему в безмыслии, но теперь уже блаженном. Я уподоблялся парковому изваянию. Голуби путешествовали у меня между ног и безбоязненно вспрыгивали мне на ботинки. Гуляющие мамочки переставали замечать меня, и я мог отчетливо слышать такие их взаимные откровения, которым бы удивились, наверное, даже их собственные мужья. Зато я исподтишка за ними наблюдал. Мне не стыдно подглядывать и подслушивать за людьми, потому что даже в безмыслии я писатель.

А мамочки в этом дворе были довольно симпатичные. Симпатичные, как – мне не приходит в голову другого сравнения – как офицерские жены. Этих жен я видел в стародавние советские времена, когда был еще подростком и жил в Васькове. Неподалеку от нас тогда располагался военный городок (не знаю, существует ли он теперь), куда мы, минуя КПП, ходили через дырку в заборе, чтобы купить себе еды. Так вот, кроме военторга, в городке этом было еще на что посмотреть. Тамошние офицеры, странствуя по долгу службы, привозили с дальних «точек» таких красавиц, что можно было только ахнуть. Во всяком случае на нас, провинциальных юношей, они производили сильное впечатление, и мы высказывали его в присущей нам грубоватой манере. «Женщины „при делах“» – так мы о них говорили, и, что бы ни значило это выражение, я вспомнил его, глядя на мамочек из элитного двора. Хотя понимал, конечно, что эти «дела» взросли не милостью природы, не на дальних точках страны, а стараниями косметической медицины. А и где теперь ее встретишь – натуральную женскую красоту, не протезированную, не тронутую скребком и скальпелем, не изувеченную тренажерами? Вся надежда на возрождение армии: вот будут заново отстроены военные городки, и опять полетят молодые офицеры на дальние «точки».

Но из всякого правила бывают исключения, и в этом я имел счастливую возможность убедиться именно здесь, в элитном дворе, у фонтана, при созерцании местных элитных мамочек. Подобно прочим, исключение неспешно-неспешно плыло по аллее, толкая перед собой подобную прочим коляску. Но я отличил ее сразу. Поверьте, женщины, ни один косметолог в мире не сделает вам таких милых ямочек на щеках, такой очаровательной улыбки – это работа природы. На ней было свободное летнее платьице, но я умею смотреть в глубь вещей. Под тонкой тканью угадывались естественное совершенство ее тела и свободное колебание его частей. Это был настоящий образец натуральной, экологически чистой женской красоты. Не скажу, чтобы я пришел уже в такой возраст, когда подобными шедеврами восхищаются бескорыстно, но тогда я смотрел на нее глазами художника...

Звали ее Настя Савельева. Я, наверное, не узнал бы ее имени, если бы тот день не выдался таким теплым и солнечным. По случаю хорошей погоды гуляющих во дворе было так много, что в аллейке у фонтана, где я сидел, не оставалось свободных скамеек.

– Разрешите? – услышал я нежный голос и поднял взгляд. Платьице ее просвечивало в контражуре.

– О да, конечно! – воскликнул я и даже зачем-то привскочил.

В коляске, которую она катила, я различил крошечное смугловатое пятнышко младенческого лица.

– Какое прелестное дитя!

– Да, мне все это говорят, – она улыбнулась, и на щеках ее заиграли ямочки.

Если бы не эта ее благодарная улыбка, я, возможно, не решился бы предложить ей свою беседу. Я бы сидел, искоса тайно ее рассматривая и сочиняя разные истории, героиней которых она могла бы быть. Но красавица улыбнулась, я расплылся в ответной улыбке, и мы разговорились, словно были давно знакомы. И мне не пришлось про нее ничего сочинять, потому что она сама о себе все рассказала. За один только комплимент ее милому дитяти (которому

отдельное спасибо) она подарила мне собственную историю, а я, хотя и без надежды на комплименты, счел своим долгом поделиться ею с вами.

Итак, жила-была девушка Настя. Не в Москве и не на дальней «точке», как вы могли подумать, а примерно посередине. Город Энбург, где она росла и расцветала, был большой, но провинциальный. И по причине этой провинциальности многие блага цивилизации, такие, например, как ночные танцклубы, еще недавно оставались для энбуржан до некоторой степени экзотикой. Хотя многие Настины подружки по медучилищу уже побывали в этих заведениях, сама она их не посещала ни разу. И не только по финансовым соображениям, а главным образом потому, что там постоянно отирались так называемые «крутые». Дело в том, что в Энбурге на ту пору еще не совсем ушли в прошлое дикости переходного периода. Везде, а особенно в ночных клубах, можно было встретить здоровенных мужчин с мрачными лицами и такими плохими манерами, что всякое место, где они появлялись, сразу становилось злачным. Эти «крутые» казались Настеньке неприятными и опасными типами. Такими они, в сущности, и были, хотя в некотором смысле их стоило пожалеть – ведь их время кончалось даже в Энбурге. Они походили на остатки разбитого войска, на солдат, прозевавших конец войны и слоняющихся без дела, бряцающая заржавевшим оружием и кроя окружающим свирепые мины, чтобы скрыть свою растерянность. Впрочем, речь не о них, а о Настеньке.

Я сказал, что она не ходила в ночные клубы, и это правда. Не ходила ни разу, пока соседка по общежитию (Катя, кажется, – они с Настей по сей день переписываются) – пока эта соседка не уговорила ее нарушить обет. Так что одним прекрасным вечером они все-таки пошли – взявшись под локоток, две подружки пошли в ночной клуб. Туда, где Катя уже бывала два раза, а Настя ни одного. Впрочем, выражение «прекрасным вечером» я употребил только для формы. На самом деле вечер принес Настеньке одни огорчения. Во-первых, единственный лонг-дринк, который она себе позволила, стоил ей полстипендии, а во-вторых, ее ужасно разочаровал, как бы это сказать... мужской контингент. Нет, не подумайте, будто Настя шла в клуб с намерением кого-нибудь подцепить. Просто у них в медицинском... ну вы понимаете... учились одни сплошные девчонки. Здесь-то, в клубе, мужского пола было пруд пруди, но что это были за мужчины! Кроме «крутых», с которыми Настя даже взглядом боялась встретиться, по залу шатались какие-то взмокшие, неестественно возбужденные юнцы. Причину их возбуждения она, как профессиональный медик, распознавала по расширенным зрачкам, и это возбуждение ей отнюдь не передавалось.

В клубе гремела музыка, и подруга Катя давно уже затерялась где-то в чаще танцующих. А Настя не танцевала – она сидела на высоком табурете у стойки бара и тянула свой нескончаемый лонг-дринк. Уйти, не допив, она не могла – это было бы предательством по отношению к потраченной стипендии. Но все когда-нибудь кончается, кончился и злосчастный коктейль. Настенька повернулась на табурете и вытянула свои стройные ножки, чтобы встать на них и покинуть дурацкое заведение. Так бы она и сделала, если бы ножки – буквально на один миг – не подвели вдруг свою хозяйку. Дринк оказал ножкам плохую услугу – они чуточку подлюмились. Настя потеряла равновесие на тонких каблучках, пошатнулась и... кто знает, может быть, даже и сыграла бы на пол, к полному своему стыду. Но в это мгновение чьи-то сильные руки подхватили ее и удержали в приличествующем юной леди вертикальном положении.

– Извините, это я вас, наверное, толкнул, – раздался откуда-то сверху приятный мужской голос.

Девушка подняла голову... и слова благодарности замерли на ее устах. Спаситель ее был высок ростом и широк в плечах. «Крутой!» – мелькнула догадка, и Настя подумала, что лучше б ей было упасть.

– Началось... – пробормотала она дрожащим голосом.

– Что началось, простите? Позвольте, я вам помогу.

«А голос красивый... Странно... И лицо какое-то доброе...» Настины мысли, как и ее ножки, слегка вышли из-под контроля. Смутившись, она опустила голову. Если бы она не опустила голову, а сразу бы сказала: «Да, – мол, – проводите меня к выходу»; или лучше: «У меня закружилась голова, помогите мне присесть», – если бы она не опустила голову, а так сказала, то вечер – уже тот вечер! – мог бы и вправду стать прекрасным. Но... Настенька опустила голову и увидела, что у нее поехали колготки. Как и где она ими зацепилась, неизвестно; возможно, они изначально были дефектными. Дело не в этом, а в том, что с поехавшими колготками, как вы понимаете, ни о каком продолжении знакомства речи быть не могло. Сделав свое ужасное открытие, Настя разом протрезвела.

– Нет, – сказала она холодно. – Спасибо, но выход я найду сама.

Так закончился ее поход в ночной клуб. Он обошелся ей в полстипендии и одни колготки, но можно сказать, что она дешево отделалась. Катя, ее соседка, явилась только под утро и призналась, что потеряла нечто такое, чего не купишь ни за какие деньги. Впрочем, она весь вечер вела себя так, словно этого добивалась, и вообще Катины проблемы нас сейчас не интересуют. Настя же после того случая в ночной клуб больше не ходила. И не потому, что у нее не было других колготок, а просто потому, что ей стало некогда. В медучилище началась практика, проходить которую Настю распределили в ЦБ – энбургскую центральную больницу. Со студентками там не особенно церемонились, а с Настей, при ее покладистом характере, и вовсе. Ей частенько доставались ночные дежурства, притом не где-нибудь в спокойной терапии, а в травмопункте. Травмопункт – это такое место, где не дай бог кому-либо оказаться – будь то в качестве пациента или работника. Побывавши там, надолго расхочешь не только шляться по ночным заведениям, но и вообще выходить из дома. За месяц своей практики Настя нагляделась такого, от чего другая девушка, без медицинской подготовки, потеряла бы сон и душевное равновесие на всю оставшуюся жизнь.

Ночной травматизм в Энбурге носил, как правило, криминальный характер. Люди в возрасте, одетые кое-как, попадали в травмопункт в результате пьяной бытовой поножовщины, а те, что помоложе и покрепче, – в основном с пулевыми ранениями. Это как раз и были «крутые», которые еще продолжали по привычке перестреливаться меж собой. Резаные держались скромно, а крутые – нагло и агрессивно, но здесь, на работе, Настя их не боялась и сама определяла, кому надо сразу к доктору на стол, а кому посидеть пока в приемной.

Дежурство за дежурством несла Настя свою вахту. Неделя, другая – глядишь, и отбыла бы она практику. А там сдала бы сессию, закончила училище и поступила бы в медицинский институт. Вышла бы со временем замуж за приличного человека. Стала бы участковым доктором – например, педиатром, – и ее любили бы дети. Так бы все и случилось, если бы Настя отбыла свою практику. Но тогда это была бы другая история, и не сидеть бы нам с ней у фонтана в московском дворе.

А обернулось все по-другому. Так обернулось, что Настя век должна благодарить больницы начальство, которое уpekло ее дежурить в травмопункт. Одним прекрасным вечером – теперь уж точно прекрасным, единственным, наверное, прекрасным вечером в истории этого печального учреждения – «скорая» привезла в травмопункт очередного бедолагу. Настя мельком взглянула: пациент был крупного телосложения и одет в спортивной костюм.

– Огнестрельное? – профессионально поинтересовалась она у фельдшера «скорой».

Фельдшер пожал плечами:

– То-то что нет. Говорит, привычный вывих.

– Странно... – Настя присмотрелась к больному, и... сердце ее забилося: перед ней, придерживая одну руку другой, стоял тот вежливый незнакомец из ночного клуба. – Странно... – повторила она, розовея щеками.

Нечего говорить, что с этой секунды он стал Настиным личным пациентом. Минувя ожидавших увечных, всех резаных и огнестрельных, она без очереди провела его к доктору. Тот

вправил руку в два счета, так что Настя не успела даже выйти из кабинета. Молодой человек лишь вскрикнул своим приятным голосом, а уж дело было сделано. Доктор подмигнул Насте.

– Побольше бы нам таких пациентов, – сказал он удовлетворенно. Этот врач любил вывихи и переломы, а шить ему не нравилось.

Больной перевел дух, поблагодарил доктора и повернулся к сестре. Тут только он ее и узнал...

– А ведь мы с вами встречались, – произнес он с улыбкой на все еще бледном лице.

– Я помню, – ответила Настенька и опустила глаза. На этот раз колготки ее были в порядке.

– Вот, значит, где вы работаете. А я ведь тогда подумал, что вы из этих... из «бабочек».

– А я подумала, что вы из «крутых».

– Что вы, – он опять улыбнулся, – это я в спортзале руку вывихнул.

– Я рада.

– Дети мои, может быть, вы потом порадуетесь? – перебил их доктор. – А то у меня клиентов полна приемная.

Доктор Попов был человек, в общем-то, не злой, но он всю жизнь практиковал в травмпункте и от этого немного очерствел душой. Впрочем, он был прав: работа есть работа. Настенька пожелала молодому человеку впредь беречь свою руку, а сама вернулась к исполнению обязанностей. Однако в продолжение всего дежурства мысли ее то и дело улетали куда-то далеко, очень далеко за пределы травмпункта.

Но все вышеописанное можно считать только присказкой. А самая сказка началась утром, когда Настя закончила свое дежурство. Прямо у ворот ЦБ ее встретил – кто бы выдумали? – он, обладатель приятного голоса, привычного вывиха и, как оказалось, очень приличного автомобиля.

– Доброе утро! – сказал он. – Разрешите наконец представиться: меня зовут Иван Савелев. Не хотите ли выпить со мной кофе?

– Я устала, – ответила Настенька. – Но кофе с вами выпью. Меня зовут Настя.

Она не учла, что в этот ранний час в заведениях Энбурга кофе еще не подавали. А если бы и учла, все равно бы не отказалась. Но если кто-то решил, что она уже хотела близости с этим малознакомым Иваном, то он ошибается. Во-первых, Настя устала после ночного дежурства, а во-вторых, она была девушка не того сорта. Как бы то ни было, в машину она села. Иван нажал какую-то кнопку, и в салоне зазвучала прекрасная музыка. Машина поехала. Дорогой девушка немного волновалась, но в конце концов задремала. Когда Настя открыла глаза, они уже прибыли на место.

Как и следовало догадаться, Иван привез девушку не в кафе, а прямо к своему дому. Дом был простой, пятиэтажный. Исполненная к своему спутнику необъяснимого доверия, Настенька поднялась с ним по лестнице и вошла в его квартиру. Жилище Ивана было неплохо обставлено, особенно в сравнении с общежитием медучилища. Хозяин усадил девушку на кожаный толстый диван, а сам отправился на кухню варить кофе, не забыв нажать кнопку на музыкальном центре. И музыка полилась, заполняя комнату, так же, как давеча заполняла салон автомобиля. Утопая в ней и в мягком диване, Настенька опять стала задремывать, задремывать... пока не уснула совсем.

И ничего на этот раз не случилось такого, о чем бы девушка впоследствии могла пожалеть. Проснулась Настенька на том же диване, только под головой у нее лежала подушка, а сама она была укрыта пледом. Она открыла глаза и увидела, что в кресле напротив сидит Иван. Собственно, они открыли глаза одновременно, потому что, уложив Настю, Иван некоторое время любовался на нее спящую, пока сон не сморил и его. Они встретились взглядами, и Иван произнес:

– Какое счастье видеть, что ты просыпаешься у меня в доме.

Настенька улыбнулась:

– Квартира у тебя хорошая.

Он покачал головой:

– Квартира так себе, но она не моя, а служебная. Моя квартира в Москве, а в Энбурге я по развитию бизнеса.

– Вот как... – улыбка погасла на Настином лице. – Вы, значит, командировочный. Теперь мне понятно.

– И ничего тебе не понятно, – огорчился Иван. – Ты думаешь, я хочу с тобой поразвлекаться, а у меня намерения самые серьезные. Обещаю, что, пока мы не распишемся, я ни на что не посягну. А когда распишемся, я увезу тебя в Москву. Мы станем жить в прекрасной квартире, и во дворе нашего дома будет фонтан.

– Мне надо подумать, – ответила Настенька. – И ты собирался сварить кофе.

О дальнейшем она поведала мне вкратце, потому что ей уже пора было ехать на кормление. Расписались они в тот же день, стало быть, думала Настя недолго. В травмопункт и в училище она больше не вернулась. Доктор Попов, встретив ее случайно на улице, сказал, что, погубив свою карьеру, она сделала глупость. Настя очень смеялась. Через месяц Савельевы переехали в Москву. Ивана повысили в должности, и, надо надеяться, не в последний раз.

Развод по-риелторски

Вот мы и дома. Свое жилище я опознал бы с закрытыми глазами. Вы замечали, что всякое насиженное жилье имеет свой собственный неповторимый аромат? В нашем васьковском домике, например, тоже пахло по-особому – пока были живы мои родители. А когда они умерли, запах улетучился.

Чтобы почувствовать аромат места, надо куда-нибудь на время отлучиться. Наезжая в Васьково из Москвы, я слышал его, а родители нет, потому что отлучались самое дальнее в огород или в продуктовую палатку.

В моей холостяцкой квартире два главных запаха – пепельницы и собачьей шерсти. В наше с Филом отсутствие их надежно сохраняют закрытые форточки. Форточки я запираю каждый раз, уходя надолго, а зачем – не знаю. Рефлекторно. Зато по возвращении, потянув носом, я всегда могу сказать: «Вот мы и дома!»

Впрочем, некогда букет здешних запахов был сложнее. В него вплетались линии борща, парфюма и всего того, что обозначает присутствие женщины. Но потом Тамара ушла, и никаким закрытым форточкам было не удержать в квартире женского аромата. Несколько месяцев он угасал в обивке дивана и в дальних углах платяного шкафа и наконец исчез совсем. В этой квартире больше не пахнет Таминым борщом. В наши супружеские времена я не интересовался способом его приготовления – помню только, что на кухне Тома всегда напевала. Теперь же спросить у нее рецепт мне не позволяет самолюбие.

Правда, в те годы здесь не пахло собачьей шерстью. Филипп родился сравнительно недавно и понятия не имеет о том, какая драма случилась в этих стенах. С Тамарой он знаком, но для него она – женщина Дмитрия Павловича. Что ж, пусть Фил так думает, тем более что так оно и есть.

Фил дрыхнет на диване, из которого давно выветрился Тамарин запах, и его не беспокоят воспоминания. Если на кухне что-нибудь грохочет, он не проснется – Фил знает, что это всего лишь плохо поставленная тарелка. И если входная дверь от сквозняка дернется в замке, это тоже не нарушит его сна. А у меня от таких звуков до сих пор иногда екает в груди. На одну секунду, на долю секунды я забываю реальность, и мне кажется, что из кухни сейчас донесется Томино мурлыканье. Или что входная дверь откроется, потом хлопнет, и я услышу: «Милый, ау!» Стукнут и покатаются по полу туфли, сброшенные с усталых ног. И я вздохну с облегчением оттого, что это действительно она, и оттого, что нынче я «милый».

В последние годы нашего совместного проживания «милым» она звала меня нечасто. Вина за это лежала целиком и полностью на мне. Дело в том, что я на ту пору спознался с прозой, а это было все равно как если бы я привел в дом другую женщину. Сам я не видел в этом ничего плохого: пусть бы одна меня утешала и дарила редкие минуты наслаждения, а вторая кормила, обстирывала и читала нотации. Но на беду мои дамы оказались обе слишком ревнивы. Тамара сердилась из-за того, что я со своим писательством забыл о мужских обязанностях – зарабатывании денег и чистке ковров пылесосом, а проза, та просто не выносила Тамариного присутствия.

Однако не моя графомания послужила причиной ее ухода. Наоборот, если бы не развод, я уверен, Тамара бы одолела соперницу. Ей не впервой было душить мои творческие порывы. Когда я по молодости вздумал заняться фотоискусством, Тамаре хватило года, чтобы убедить меня в моей бездарности. Правда, тогда она любила меня по-настоящему.

Но не будем о любви. Все равно я уверен, что невычищенные ковры были только к слову, а брак наш пал жертвой общественных перемен, произошедших в стране. По моей теории люди бывают двух типов: мыслящего либо деятельно-практического. Когда в обществе происходят решительные перемены, мыслящие типы скатываются вниз по социальной лестнице,

а деятельные делают карьеру. Штука в том, что не каждый человек знает наперед, к какому типу он относится. Вот когда грянули перемены и я покатился вниз, я понял, что я человек мыслящий. Тогда-то я и увлекся фотоискусством. А Тамара устроилась на одну фирму, потом на другую и с тех пор непрерывно двигалась вверх по служебной лестнице. И мне пришлось отнести ее ко второму типу.

Но дело, конечно, не в наших типических различиях. Мужчина от женщины вообще отличается, но это, как правило, не мешает им состоять в браке. Дело в роковом стечении обстоятельств. Так совпало, что в один и тот же день Тамару в очередной раз повысили в должности и некто, оставшийся неизвестным, наблевал у нас в лифте.

Вечер того дня я не забуду. Так же примерно, как сейчас, я сидел у компьютера и пытался творить. Но проза капризничала. Ей не нравилось, что я отвлекался и вздрагивал, если вздрагивала входная дверь. Так же, как сейчас, я прислушивался ко входной двери, но тогда я действительно ждал Тамару. Я слегка беспокоился, потому что она опаздывала к ужину. Впрочем, дверь, как обычно, с докладом опоздала. Я узнал стук Тамариных каблучков на подходе и вздохнул облегченно еще до того, как ключ повернулся в замке. Дальше все было так, как я описал четырьмя абзацами выше, только на самом деле. Дверь хлопнула, покатались туфли...

– Милый, это я!

В первый момент я удивился, потому что «милым» последнее время она звала меня нечасто. Но обращение обязывало, и я вышел в переднюю для поцелуя. Там все и объяснилось: моя «милая» явилась навеселе.

– А меня, чтоб ты знал, опять повысили! – сообщила она, оглядывая себя в зеркале.

– Поздравляю, – вяло отозвался я. – Ужинать будешь?

– Значительно повысили, – Тамара сделала зеркалу значительное лицо. – И у меня к тебе важный разговор.

– По какому поводу?

Я насторожился, потому что знал из опыта, что каждое повышение и соответствующая прибавка жалованья вызывали в ней всплеск потребительских амбиций. У нас и диван, и кухонный гарнитур, и домашний кинотеатр были вехами, знаменовавшими Томин карьерный рост. Теперь я предположил, что она снова заведет речь о ремонте, надобность в котором давно назревала в нашей квартирке и о котором даже мысль я старался гнать из головы. Но дело обстояло еще хуже...

– А по такому поводу, – нахмурилась Тамара, – что так дальше жить нельзя. В нашем лифте сегодня кто-то наблевал.

– А я-то здесь при чем? – пожал я плечами. – Смотри, куда наступаешь.

И тут ее прорвало. Дыша свежим коньяком, Тома сперва обличила блюющих соседей, потом заявила, что ей отвратителен самый дом, в котором «черт-те кто живет», и весь наш «забыдлянский» микрорайон. Суть ее жаркого монолога сводилась к тому, что она с ее уже статусом более не желает терпеть убогого существования. Сознывая в душе, что частью Томиного убогого существования являюсь и я сам, я помалкивал, чтобы не навести ее на эту мысль. Я только пытался намекнуть, что пора бы ей наконец переодеться и смыть макияж. Но Тамара меня не слушала; она была человеком деятельного типа, а деятельные люди не болтают ради того лишь, чтобы поделиться наболевшим. Каждый разговор они завершают конструктивным предложением, как учат их в менеджерских школах. В тот вечер Тома не разделась прежде, чем озвучила свою новую идею – гораздо более «конструктивную», нежели даже ремонт квартиры:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.